

Системный анализ доказывает, что перед нами – исторически одна из первых систем расселения, создаваемых в определенных границах и с определенной целью, на основе единого подхода, зиждущегося на трансформирующемся (но продолжающем господствовать) мифологическом мышлении. Градостроительное значение этого процесса, скорее всего, даже более велико, чем собственно архитектурное.

Все особенности структуры поселений южноуральской степи диктуются подчинению жизни производственно-металлургическим целям в конкретной климато-географической среде, тогда как основные параметры (круглый или овальный план, обваловка, ворота и выходы, масштабы, численность и т.п.) приближают их к другим поселениям бронзового века на самых разных территориях, от Месопотамии до Сибири. Симбиотическая связь металлургии и скотоводства должна изучаться дополнительно.

С.В.Голикова
Екатеринбург

РЕКРУТСКИЙ ОБРЯД: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Формально рекрутский обряд относится к ритуалам нового времени (способ формирования армии путем рекрутских наборов веден Петром I). Хотя традиция при его создании использовала богатое наследие ритуального оформления проводов вообще и на войну в частности. Первые описания «проводов рекрутов» на Урале появились в 1865-1866 гг. в «Пермских губернских ведомостях». О них сообщается в публикациях И.В. Шерстобитова «Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы» [1], Н. Саламалик «Село Черновское» [2], А. Зырянова «Выдержки из дорожных записок 1865 года» [3]. Можно говорить о появлении «среза» подобных обрядов, охватывающий разнообразие местности края: северо-запад (Чердынский уезд), юго-запад (село Черновское находилось в Оханском уезде) и юго-восток (А. Зырянов писал о зауральских крестьянах Шадринского уезда). Правда речь идет о жителях государственной деревни или поселениях, принадлежащих ведомству «государственных имуществ». В 1865 г. журналом «Современник» была издана и повесть А. Кирпищиковой «Порченная» [4], в центре которой находилась трагическая судьба солдатки завода «Горки» (Чермошского). Там уже средствами художественной литературы рассказано об отправке мужа главной героини на службу, которая и послужила причиной ее психологического срыва.

Следующая волна публикаций была связана уже с событиями начала XX в. В 1914 г. появляются «Обрядовые причитания при проводах солдат на войну» И.И. Ульянова [5]. Отдельная главка посвящена прикамским новобранцам в книге П. Шмакова «По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья» [6], также изданной в годы первой мировой войны. Статья крестьянина села Медянки Уинского района П.И. Юшкова «Обычай проводов рекрутов» увидела свет уже при советской власти в 1926 г. [7] Тогда же появилась работа известного собирателя уральского фольклора В. Серебрянникова «Из солдатских песен б/ывшего Оханского уезда» [8]. Можно сказать, что эта серия текстов также получила «сопровождение» художественной (вернее, мемуарной) литературой. А. Кореванова в повести о своей жизни рассказывала, что семья ее бабушки разорилась, когда решилась вместо отца мемуаристки нанять для военной службы «охотника», который «злоупотреблял своим положением» [9].

В период между двумя указанными всплесками интереса к проводам на военную службу укажем только на творчество Н.Н. Новокрещенова. Этот известный горнозаводской администратор уже в 1880-е гг. расценивает «бесчинства» отправляющихся на службу в качестве проявлений хулиганства [10]. (В отличие от народной традиции, которая их поощряла.) В другой его работе приводится масса ценных сведений за 1780-е гг. о рекрутских наборах в вотчинах Лазаревых [11].

Рекрутский обряд стал объектом описания, а затем анализа ученых не так давно. Можно назвать кандидатскую диссертацию Ж.В. Корминой «Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX-XX вв.)» и написанную на ее основе монографию «Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа» [12]. Исследовательница относит рекрутские ритуалы к обрядам жизненного цикла человека, однако считает, что они принципиально отличаются от родильно-крестинных, свадебных, похоронно-поминальных. В отличие от них обряд проводов в армию не является «естественным» следствием существования человека как биологического существа – рождающегося, стареющего и умирающего. Рекрутская обрядность для Корминой – пример адаптации новой социально-исторической ситуации посредством традиционных схем переживания (конструирование) реальности. Она появляется в конкретное историческое время и представляет собой реакцию культуры на ситуацию, задаваемую извне. Происходившие на протяжении XIX и XX вв. изменения в сроках службы и порядке набора так или иначе, по ее мнению, влияли на обрядность.

В контексте восточнославянской традиционной культуры рекрутский ритуал рассматривался А.К. Байбуриным, который также относил его к обрядам жизненного цикла, однако подчеркивал «нагруженность» этого «позднего института» выраженной инициационной символикой» [13]. Среди обрядов проводов в дорогу рекрутскую обрядность анализировала Т.Б. Щепанская, поскольку в ней активно используется мифологема пути [14].

Три упомянутых автора широко привлекали материалы А.В. Черных [15] и О. Вострикова [16], собранных в ходе полевой работы на Урале и касающихся конца XIX – начала XX вв. Из дореволюционных источников они ссылаются на Н. Саламалик, И.В. Шерстобитова, И.И. Ульянова, В. Серебрянникова. К сожалению, не введенными в научный оборот оказались сведения А. Зырянова о зауральских крестьянах и во многом перекликающиеся друг с другом данные П. Шмакова и П.И. Юшкова относящиеся к концу XIX – началу XX вв.

Написание истории рекрутского обряда края оказывается, таким образом, еще на этапе выявления корпуса источников, хотя «срезы» за 1860-е гг. и на конец XIX – начало XX вв., а также результаты собирательской работы современных исследователей позволяют осуществить их историческую реконструкцию. Пока же обращает на себя внимание скорее обратная зависимость между сложностью ритуала и «тяжестью» военной службы. При анализе описаний наблюдалось несоответствие между «богатством» обрядовых действий и сроком военной службы. Хотя непреложным считается положение, что поводом к его появлению стала именно бессрочность «солдатчины» при способе комплектовании армии с помощью рекрутских наборов. Однако Н.Н. Новокрещеннов не приводит для 1780-х гг. ни единого обрядового действия и причина их отсутствия становится ясной при чтении его текста. Когда на рекрут делали облавы как на «дикого» зверя, когда «произвол был полный» и «хватали первого

встречного и сдавали, будь у него очередь или нет», когда «намеченные» к сдаче парни предпочитали умереть [17], было не до скрупулезного исполнения обрядов. В первой же половине и середине XIX в. при появлении многочисленных указов об отставке и отпусках нижних чинов, снижении срока службы до 15 лет (которая чаще оказывалась еще короче) появился сложный обряд «проводов».

Свое дальнейшее развитие так называемые «обряды проводов рекрутов» получили после проведения реформы Д.А. Милютина, когда само слово «рекрут» исчезло из официального языка. Чем «легче» становилась военная служба, тем сложнее оказывалось обрядовое оформление проводов на нее. Это состояние культивировалось. Развивался, если можно так выразиться, культ ухода.

Данное несоответствие можно объяснить скудостью источниковой базы по XVIII – началу XIX вв., а также с помощью излюбленного приема современных толкователей рекрутского обряда: анализировать его в дихотомии «своих» - «чужих». Интересная и многообещающая трактовка данного явления приведена в книге «Война и песня»: «Следует отметить, что рекрутская обрядность явление историческое... Изменение сроков службы приводило к пересмотру некоторых обрядовых действий. Рекрутский фольклор формировался как фольклор обрядов перехода от “своего” к “чужому”, что диктовалось длительностью солдатской службы. Сокращение сроков службы в середине XIX в., быстрое возвращение солдата в общину привели к изменению статуса рекрута - теперь он продолжает оставаться “своим”, до конца не переходит грань “своего-чужого”» [18]. Получается, что для перехода в разряд «чужих» обряда не требовалось вообще, а уход с возвращением вызвал развитие сложного ритуального комплекса.

Не следует думать, что рекрутские ритуалы представляют интерес только для этнологии. Определяя ключевые задачи такого нового для военной истории направления как изучение антропологических аспектов российских войн, Е.С. Сеньявская в 2002 г. писала об «анализе ценностей, представлений, верований, традиций и обычаев» в контексте войны, а также в качестве объекта подобных исследований указывала на «вхождение» в нее [19]. Это со всей очевидностью включает в орбиту военно-исторической антропологии, рассматривающей «человека и общество в экстремальных условиях вооруженного конфликта», исследование обрядов проводов на войну (шире – на военную службу).

Примечания:

1. Шерстобитов И.В. Описание быта государственных крестьян, живущих в Чердынском уезде по правую сторону реки Камы // Пермские губернские ведомости. 1865. № 13. С. 55.
2. Саламалик Н. Село Черновское // Там же. 1865. № 17. С. 70-71.
3. Зырянов А. Выдержки из дорожных записок 1865 года // Там же. 1866. № 10. С. 39.
4. Кирпишикова А. Порченная // Современник. Т. 111. 1865. № 11-12. С. 161-254.
5. Ульянов И.И. Обрядовые причитания при проводах солдат на войну (по записям и личным наблюдениям) // Правительственный вестник. Пгр, 1914. № 254.
6. Шмаков П. По лицу земли: Очерки из жизни Прикамья. Оса. 1916.
7. Юшков П.И. Обычай проводов рекрутов // Кунгурско-Красноуфимский край. 1926. № 11-12.
8. Серебрянников В. Из солдатских песен б. Оханского уезда // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 159-166.
9. Кореванова А. Моя жизнь. М., 1936. С. 15.
10. Новокрещенных Н.Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб, 1889. С. 67-68.
11. Он же. Постройка Кизеловского завода И.Л. Лазарева. Уфа, 1892.
12. Кормина Ж.В. Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX-XX вв.). Автореф. дис-ции... кандидата культурологических наук. М., 2000;

- Она же. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М., 2005.
13. Байбурий А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993. С. 62.
14. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX – XX вв. М., 2003.
15. См.: Белагин А.М., Подлюков И.А., Черных А.В., Шумов К.Э. Война и песня. Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прикамья. Пермь, 2005.
16. Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург, 2000.
17. Новокрещенных Н.Н. Постройка Кизеловского завода... С. 42-45.
18. Белагин А.М., Подлюков И.А., Черных А.В., Шумов К.Э. Указ. соч. С. 15-16.
19. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2001/2002. М., 2002. С. 39, 41.

Л.А. Долгих
Кунгур

ВКЛАД КРАЕВЕДОВ 1920-х гг. В ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДЫ КУНГУРСКОГО КРАЯ

Двадцатые годы XX в. – особый период в истории отечественного краеведения. Оно становится массовым общественным движением и играет заметную роль в научной жизни страны. Участники краеведческого движения внесли значительный вклад в науку, в развитие культуры на местах, в сохранение объектов историко-культурного и природного наследия. Одно из направлений краеведческой работы – исследование края в естественнонаучном отношении, изучение его природных богатств. В 1920-е гг. в этой сфере деятельности краеведов уделялось особое внимание. Любители природы, знатоки края оказали неоценимую помощь советской науке. Они сообщали ценные сведения о сезонных изменениях в природе, о залежах полезных ископаемых, об интересных природных объектах. Активно включились в краеведческую деятельность и кунгуряки.

Первая попытка объединить краеведов Сылвенского края была предпринята в 1918 г., когда по почину клуба учащихся III Интернационала и отдела народного образования организуется общество по изучению края. Однако его деятельность была прервана в связи с начавшейся Гражданской войной [1]. Возродить краеведческое общество пытались в 1921 г. [2]

«В целях поднятия интереса местного населения к изучению родного края, познанию его природы, истории и быта, а также для принятия мер к охране местных памятников старины, природы и искусства» [3] 16 июля 1922 г. было организовано Кунгурское общество для изучения местного края. Среди задач, которые ставила перед собой эта организация – «собрание предметов местной природы, имеющих практическое приложение в жизни», «регистрация и охрана памятников местной старины, искусства и природы», «производство метеорологических наблюдений», «устройство заповедника местной природы» и «организация опытной станции для разведения улучшенных пород местных домашних животных» [4]. Но и эта попытка консолидировать силы кунгурских краеведов не увенчалась успехом.

Новый этап в истории Кунгурского краеведения начался 6 мая 1924 г. В этот день на организационном собрании, состоявшемся в клубе «Правда», было создано Кунгурское общество краеведения, ставившее перед собой цель – изучение Кунгурского округа «во всех его видах: естественно-историческом – природы страны, животных, птиц, насекомых и растений; историко-археологическом – прошлая жизнь края, его быт и достижения